

Оглавление

Часть I.	5	Часть III.	223
Глава 1.....	7	Глава 1.....	225
Глава 2.....	19	Глава 3.....	251
Глава 3.....	30	Глава 4.....	264
Глава 4.....	42	Глава 5.....	275
Глава 5.....	54	Глава 6.....	289
		Глава 7.....	300
Часть II.	65		
Глава 1.....	67	Часть IV.	309
Глава 2.....	80	Глава 1.....	311
Глава 3.....	92	Глава 2.....	323
Глава 4.....	104	Глава 3.....	335
Глава 5.....	115	Глава 4.....	347
Глава 6.....	127	Глава 5.....	359
Глава 7.....	140	Глава 6.....	373
Глава 8.....	152	Глава 7.....	384
Глава 9.....	164		
Глава 10.....	176	Часть V.	397
Глава 11.....	188	Глава 1.....	399
Глава 12.....	200	Глава 2.....	411
Глава 13.....	212	Глава 3.....	422
		Глава 4.....	434

Часть I

Глава 1

Впервые Влад увидел Кощея в детстве. Только и запомнил стать молодецкую да широкий размах плеч. Девки в тереме, правда, иное подмечали и только о том и судачили пестрыми сороками: пояс узкий, чуть ли не девичий, волосы черные, взглянет — ноги откажут, а слово молвит — заслушаешься. Красив был Кощей — то всяк признавал, кто не завидовал. А кто завидовал, язык распускать опасался. Сказывали, будто Кощей — колдун, каких поискать. Такому порчу навести — что сплунуть. А кроме этого — воин, которому дороги лучше не заступать, коли головы лишиться не желаешь.

В тереме говорили, приплыл он из-за моря-океана на трех невиданных доселе ладьях со змеиными головами. Чем-то ладьи походили на драккары варяжские, однако борта их на солнце отливали серебром, а парусов и в помине не было: не под силой ветра шли, а благодаря колдунству чужеземному. Еще сказывали — богат Кощей безмерно: дворец его, сплошь из хрусталя, спрятан в Синих горах, во дворе растет яблоня с молодильными яблоками, а на верхушке ее сидит Жар-птица. Кто-то, правда, уверял — то дуб мокрецкий, но Влад не верил: на дубу не родятся яблоки, а желуди на вкус — та еще гадость. Не верил он по малости лет, что есть их можно, даже ради бессмертия.

Влад столкнулся с ним всего однажды. Он тогда пробрался в княжескую горницу и случайно разбил чашу с квасом. Непростая то была чаша: кто из нее отопьет, солгать не сможет. Князь наверняка специально приготовил ее для гостя. Владу же попросту хотелось посмотреть на узор, прочесть замысловатые руны — взял в руки, а та возьми да и выскользни.

Светлана Кузнецова

Испугался Влад не на шутку. Конечно, он и сам не простого рода — вряд ли за проступок его выпорют на главной площади при всем честном народе, но и не спустят. Влад киевскому правителю не сын и даже не дитя побратима. Заложник он, третий сын князя Олега, отданный по договору в обучение: пока живет здесь — война не начнется, а обращаться с ним станут со всеми почестями. Только ведь чашу из самого Константинополя везли, заговоренную злым волхвом чужой веры.

Из горницы Влад не уходил: сидел возле черепков, чтобы не дать слабину и сразу сознаться в случившемся. А то очень уж сбежать хотелось и спрятаться в первом попавшемся темном углу. Разбередил себе душу вконец, думал, лучше бы все разрешилось уже. Когда раздались шаги, сжал кулаки и поднялся с пола, да пришел вовсе не князь.

Отворились двери, и раздался зычный голос одного из бояр:

— Просим здесь обождать. Красно Солнышко скорехонько сам будет.

Короткое «благодарю», легкие быстрые шаги, а затем двери закрылись, оставляя гостя в одиночестве, не считая столбом застывшего Влада.

— Так-так... — протянул Кощей, склонил голову к плечу и принялся его разглядывать, потом подошел почти вплотную и присел перед Владом на корточки.

Странные у него оказались глаза. Раньше Влад полагал, что Кощей родом из восточных племен: волосы цвета воронова крыла, да и ресницы с бровями — мгла кромешная. Издали и взор черным казался, а вот сейчас посмотрел вблизи: взгляд стальной, обжигающий, а в глубине так и сверкают синие искры.

— И кто ж ты есть, добрый молодец? — спросил Кощей со скрытым смехом в голосе.

В тереме говаривали, нельзя чародею имени своего раскрывать, даже того, с каким среди людей ходишь, а истинное — тем более. Только оно почему-то само с языка спрыгнуло.

— Ворон, — проронил он и вздрогнул. — То есть Влад! Влад я, сын князя Олега, русич! Влад!

— Тсс... — Кощей улыбнулся уголками губ, глазами сверкнул, но не страшно, а весело. — Не кричи, добрый молодец, нам же не нужно, чтобы стража сбежалась?

Влад закрыл ладонями рот и замотал головой.

— Вот и ладненько, — похвалил Кощей. — И... Влад так Влад, я ж не спорю.

Затем он протянул руку к одному из черепков, но не дотронулся совсем чуть-чуть — отдернул, словно от змеищи ядовитой.

— А ведь ты спас меня, Влад. Чаша-то зачарована, — произнес он задумчиво. — Колдовство чужое, черное и скрытое, я мог бы и не заметить, если бы не ты.

— Она лгать не позволяет.

— Да ну? Кто тебе эту чушь сказал?! — рассердился Кощей.

Влад аж подпрыгнул на месте и пролепетал:

— В тереме говаривали...

— Чего только в ваших теремах не наслушаешься, — фыркнул Кощей. — Наверняка и обо мне плетут, как двор метут. Мой тебе совет, — длинный узловатый палец коснулся лба Влада над переносицей, — слушать слушай, но на веру не принимай, думай лишь своим умом. Понял?

Влад кивнул. Прикосновение исчезло.

— Волхвов, ложь видящих, у твоего князя более дюжины, да и сам Златоуст непрост. Ни к чему ему еще и чаша такая, — снизошел до объяснений Ко-

Светлана Кузнецова

щей. — Здесь же заложено совершенно иное колдовство. Воли чаша лишает всякого из нее отпившего: людей сильных — на чуть совсем, но иной раз большего и не нужно, — он снова протянул руку, на этот раз дернув Влада за темно-русую прядь. — Не киевского ты роду-племени, верно?

— Верно, — откликнулся Влад со вздохом и подумал: не пил ли отец из чаши этой, когда соглашался отдать его в заложники? Говаривали, раньше князь Олег никогда не разбрасывался своей кровью.

«Людей сильных — на чуть совсем, но иной раз большего и не нужно», — повторил он про себя слова Кощея и заявил во всеуслышание:

— Значит, правильно все!

— Что именно?

— Не просто я оплошность совершил, колдунство мерзкое чужеземное порушил. Теперь и лишения терпеть сподручней станет, — ответил Влад, задумался и добавил гораздо тише: — Только когда чашу бил, я о том не думал.

— Ни дать ни взять, герой! — хмыкнул Кощей. — Молоко на губах не обсохло, а туда же.

Влад насупился, но долго злиться не стал: правда ведь.

— Зря намекаешь на то, будто я ничем тебе не обязан. Все в этом мире связано. И ты явился сюда — такой замечательный, смысленый, с умением скрытое видеть, хоть о том и не ведаешь, — тоже неслучайно, — сказал Кощей, повел пальцами в воздухе: черепки словно ожили, поползли друг к другу, срастаясь. Стала чаша прежней с виду, однако, заговоров, на чужом языке написанных, больше на ней не было.

— Спасибо!

— А сила-то немалая, раз византийская пакость от тебя сама шарахнулась, — сказал Кощей, благодар-

ности, похоже, не услышав; оглядел Влада снова, уже внимательнее, и посоветовал: — Когда сильнее проявляться начнет, к волхву не ходи. Не сумеет он тебя вырастить, а если обучать возьмется — изломает всего.

— П-почему? — вырвалось у Влада.

— Златоуст за тебя сам не возьмется, кому попросе отдаст. Волхвы же в большинстве своем колдуны сплошные, в травах да обрядах силу черпают, чурбанам бездуховным молятся и полагают, будто через них разговаривают с богами. У тебя же сила от сердца идет, из самой глубины души и потаенной сути. Магом тебе прозываться бы, да в Киеве не ведают слова такого. В наставники тебе нужен настоящий чародей.

Влад нахмурился. Не знал он до этого никого сильнее главного волхва Златоуста. Тот, казалось, все мог, даже тучи перед сбором урожая разогнать, дабы ни капли из них не пролилось.

— Колдун никогда не сумеет обучить пользоваться внутренней силой, — не позволив Владу перечить, произнес Кощей. — Ибо черпает ее из мира внешнего, заимствуя у камней, трав, ветра и солнца или других людей. А вот завистью черной воспыхает — это уж точно. Не любят волхвы княжеские, когда ученики превосходят их в чем-либо: больно страшатся лишиться места хлебного в тереме высоком.

За время, что он говорил, чаша собрала в себя квас, разлитый по полу, да на прежнее место на столе прыгнула.

— Вот и все, — улыбнулся Кощей. — И заметь: больше эта пакость византийская никому худа не делает, разве лишь князь недоволен окажется, но с тебя какой спрос? Понял ли ты мое объяснение, Влад, сын князя Олега?

— Понял. Не пойду к волхвам. Только где же мне найти чародея в наставники?

Светлана Кузнецова

— Не тревожься, — Кощей мягко улыбнулся и погладил его по волосам. — Все придет чередом: почувствуешь, как я сам когда-то, а теперь ступай, — и в глазах сверкнул огонь цвета листьев, едва-едва родившихся из почек. Влад хотел спросить, когда же с ним все это случится, но ноги вынесли его за порог и не останавливались до самых покоев, а потом навалился сон. Влад проснулся лишь к вечеру следующего дня, напугав няньку почти до смерти.

Князь темнее тучи ходил, а бояре по углам шушукались, мол, Кощей оказался сильнее византийского кудесника, а значит, все разговоры о вере в восточного бога — чушь, и не нужна она на Руси. А уж когда какой-то заезжий богатырь, отхлебнув кваса из чаши, отказался идти в княжескую дружину за одни лишь почет и уважение, князь сам разбил ее вдребезги и даже хотел идти войной на Константинополь. Вовремя бояре отговорили его, подсчитав необходимые траты для снаряжения войска и схватившись за бороды.

...С тех пор минуло лет десять. Из отрока превратился Влад в юношу, учился ратному мастерству, а волхвам лишний раз старался не попадаться на глаза — на всякий случай: помнил совет Кощея. Сам чародей в Киев приезжал, да больше не заглядывал в княжеский терем. Пару раз видел его Влад на Сеной улице: скакал он на вороном коне, огромном да злющем, словно демон арийский. Ничуть не изменился внешне, только волосы до пояса отрастил и носил распущенными, а не завязывал в хвост и не заплетал в косу по-печенегски.

В полном светловолосых людей Киеве выделялся он разительно, однако гордился своей инаковостью. А глядя на него, перестал переживать из-за внешности и Влад. Он ведь тоже нездешний. Еще в пятнад-

цать вымахал на голову выше князя, а в телосложении оказался тонок, даже изящен. Старая нянька все вздыхала да малохольным кликала, а бояре шутили, мол, не в коня корм. Темным цветом волос не походил Влад ни на кого в княжеском тереме, и если с мальчонки спрос невелик, то на юношу уже косились не по-доброму. Чужеродных киевляне привечали лишь на словах, а на деле подозревали во всех бедах, предательствах да сглазе-порче.

— Ночь совершеннолетия наступит, — повторял ему князь, и чем ближе к празднику зрелости, тем чаще, — тогда и свободным ты станешь от договора, мной и отцом твоим, князем Олегом, заключенного. Да только ведь и покровительству моему настанет конец, а нужен ли ты отцу спустя столько лет?

Влад на эти слова пожимал плечами. От отца он не получал никаких вестей, но и в Киеве оставаться не хотел.

А князь все гнул свое:

— На празднике ты в дружину и попросишься, кровь на угли костра прольешь, клятву принесешь, а я приму — как не принять, ты ж в тереме моем вырос, — и станешь ты богатырем русским.

Влад не отвечал ни да ни нет, пусть и видел, что князю не нравится молчание. Если и занимало его недовольство, то не особенно, гораздо сильнее радовало Влада исполнившееся Кощеево обещание: сначала сны явились странные, все внутри переворачивающие, зовущие за виднокрай и далее, а потом проснулась сила. Влад мог лучину в горнице запалить взглядом, а запершись в опочивальне, оставив тело свое человеческое как бы спать, сам же носился в небе черным вороном. Именно в этом обличии приходили к нему пророчества и видения; казалось, он все про всех знает и даже если к самому солнцу поднимется —

не опалит крыльев, а в Правь попадет и побеседует с богами.

Очень хотелось ему Кощея отыскать — хоть в человеческом облике, хоть в птичьем, — но тот, видно, сильный отворот на себя навел. Множество раз, завидев издали черного всадника, отправлялся Влад к нему навстречу, да только на полпути забывал напрочь, к кому шел и что желал, а Кощей тем временем уже за его спиной оказывался.

Ох и гневался же Влад на подобные уловки и нет-нет, а в сердцах невольно желал Кощею плохого. Самому чародею точно от того не делалось ни тепло, ни холодно: кроме Влада, зла ему желал и сам князь, и его волхвы, и бояре — скопом и по отдельности, да и простой люд поминал крепким словом — не получалось у них ничего. Впрочем, если не колдунством смертным, то молвой черной окутать его вполне вышло. Каких только ни ходило слухов по Киеву.

За силу и стать молодецкую, не ушедшие с годами, принялись величать Кощея Бессмертным. Поговаривали, вид его, глазу лепый, — лишь морок. На самом же деле Кощей — высохший старик, живущий на свете невесть сколько лет. Утверждали, вовсе не за морем владения его находятся, а в Нави. Хрустальный дворец, мол, охраняют тридцать богатых, сплошь его дочерей, под предводительством синеглазой царевны, не отыщется для которой среди мужей достойного поединщика. Сказывали, отвернулись от Кощея сами боги, а потому сына зачать ему не удастся никогда. Впрочем, ему и не надобно: к чему сын тому, кто ни старости, ни смерти не ведает? А как подрастет и отцовых богатств возжелает?

Многое говорили, да только сам Кощей лишь посмеивался и улыбался широко, белоснежным оскалом сверкая. Влад дивился такому отношению, но и вос-

хищался тоже. Он-то все больше в драку лез, стоило кому-нибудь его обидеть или косо посмотреть. Иногда — с тремя разом. Старая нянька тогда расстраивалась и слезы лила горькие, пророчила, будто забьют «дитятко» до смерти.

...Наступила весна, осталось Владу сидеть под опекой в Киеве всего полгода.

Однажды на пиру подали ему чашу, по ободу которой шли письмена, очень похожие на те, какие видел в детстве. Влад поначалу не пил, а когда здравицу подняли и отказаться стало невозможно, разбил чашу, словно бы случайно. Ничего не сказал на это князь. Бояре лишь посмеялись над неуклюжестью, и нахмурился главный волхв Златоуст. С тех пор опасался Влад тешиться с тайной силой в тереме. Все казалось — следят за ним неустанно.

Рано утром седлал он коня и выезжал из города к реке или к лесу. Соглядатаев за ним поначалу посылали, а потом перестали. Видать, те сообщили князю, будто ничего странного не происходит, ни с кем Влад не встречается, бесед не ведет, а спит богатырским сном. По Киеву ползли слухи про недуг княжеского воспитанника да леность его, но если уж Кощей на срамную молву откровенно плевал да посмеивался, то и Влад худо-бедно научился внимания не обращать, а шепотков за спиной не слышать.

Кощей в то же время утер нос всем злословцам, а заодно и боярам (те совсем не прочь были с ним породниться и в чужие богатства руки загребущие запустить, несмотря на все байки да рассказы), сосватав в жены Настасью, дочь купца Дмитрия. Сам же отбыл в свое царство — к свадьбе готовиться.

Владу тоже хотелось бы посмеяться над сплетниками, приписывающими Кощей невесть чего, да почему-то

Светлана Кузнецова

не выходило. Как узнал, принялась заедать его черная тоска. Почему — неведомо.

Вроде и считалась Настасья первой красавицей в Киеве, да только не понимал Влад выбора такого. Высока, стройна, русая коса до пояса, взгляд голубой и добрый, но дура душой же! Одно слово — девка сенная. И в чистоте себя не блюла, то почти всем известно было. А не понесла еще ни разу, «невзначай выпив росинку или съев зернышко» после праздника Купала, лишь благодаря случайности да травкам, которыми потчевал ее сердобольный родитель совместно с мамками-няньками. Видя, как вздыхают по Настасье знакомые отроки и молодцы, Влад лишь хмыкал — даже драться пару раз пришлось, правда, не до крови: наставили друг другу синяков и разошлись, все равно никто не решился бы спорить с Кощеем за руку купеческой дочери.

Влад, носясь вороном в синей вышине, часто думал, что неправильно он свадьбу расстроить хочет и несчастья молодым желает. Разве волнует его эта девка? Точно нет! А Кощей? С чего бы вдруг, раз тот ему не сват, не брат и даже не побратим ратный? Не за склеенную же чашу да напутственное слово Влад желал уберечь его от эдакого семейного счастья?

Для себя старался — вот в чем правда. Кощей ему советовал к волхвам не ходить, а искать чародея в наставники. Влад и нашел: ближайшего, лучшего, никакого другого не надобно. Рассчитывал дожидаться освобождения и уйти из княжеского терема, в ученики напроситься. Вот только кто ж возьмет его в дом, если рядом супруга красивая, молодая да ветренная, готовая не только с муженьком жаркие ночи проводить? Кощей точно от ворот поворот даст и укажет на все четыре стороны, которых на самом деле восемь. Тот

и так-то знать его не желает, и чем дальше, тем яснее это становится.

Маялся Влад, злился, есть и пить перестал. А потом стряслась беда: то ли Влад ее накликал, то ли незваная явилась сама собою.

Приехал на двор к купцу Дмитрию заезжий богатырь — Иван сын Годиниыч. Настасья воды ему подала, глаза потупивши, речи молвила ласковые, плечиком повела на прощание. Влад, сидя на заборе, только диву давался. Вот уж о ком говорят: ни стыда ни совести! Он даже каркнул от избытка чувств, а Иван обернулся и гаркнул:

— Эй, ты! Нечего здесь черную ворожбу мутить, волчья сыть! Завтра же она моей будет, — и замахнулся, подобрав с земли тяжелый камень.

Влад не успел взлететь — камень настиг раньше. Должен был перебить крыло, а возможно, лишить жизни, но произошло странное. Коснувшись черного оперения, рассыпался он песком. У Влада от неожиданности и неверия помутилось перед глазами. Иван Годиниыч раскрыл рот да перекрестился (видать, в Византии чужеродную веру принял).

Слышал Влад проповедников, приезжавших в княжий терем, вели они льстивые речи о том, как справедлив и милосерден их единый бог. Да только сами лживы были, что деготь черен, мечтали если не покорить Русь силой мечей, то через веру, людям русским чуждую. Иван Годиниыч тоже богатырем лишь прикидывался, много зла за свои немногие лета сделал и еще больше собирался, однако именно сейчас и именно Влад мог помешать этому.

— Нет уж! — выкрикнул он. Иван Годиниыч вмиг с лица спал. — Видят боги, не творил я злой волшбы, не призывал несчастий на твою голову. Но раз уж ты первым решил меня жизни лишить, знай: не бывать

Светлана Кузнецова

тебе мужем красной девицы, а коль не отступишься — убитым в землю ляжешь!

Каркнул он напоследок и сорвался в небо. Сердце маленькое птичье металось так, будто разорваться собралось, перед глазами все кружилось, в голове туманилось. Казалось, забыл он самого себя. Очнулся на закате, поднялся с трудом, только конь и спас: подошел, преклонил колени и смиренно ждал, когда заберется. По пути Владу снова сделалось дурно. Вроде помнил, как старался держать спину прямо, в городские ворота въезжая, а в следующий миг уже падал на руки стражам подле крыльца княжеского терема.

Глава 2

— Вот, посмотри на своего малохольного, — высказывал князь няньке тем же вечером. — Как я его в дружину возьму, если он с коня валится?

— Не пойду я в дружину твою, князь, — отозвался Влад, с трудом приподнявшись на локте. Он не хотел говорить, да словно кто за язык потянул. — Уеду сразу после праздника совершеннолетия.

— Для начала я тебя отпустить должен, — князь нахмурился, сощурился нехорошо, окинул долгим взглядом и ушел.

— Зря ты, чадушко, отказал прямо да резко, — прошамкала нянька, когда закрылась за ним дверь. — Князь наш злопамятен и очень не любит, когда не по-егойному делается. Молчал бы уж лучше, как раньше, — может, и сумел бы уехать.

— Не могу молчать, — прошептал Влад. — И враты не в силах, хоть режь. Если слышу неправду, рот открывается словно сам собою.

— Ай, не сглазил ли кто?! — ужаснулась нянька, положила руку на лоб, головой покачала.

— Скорее, сам виноват, — проронил Влад и взмолился: — Только не спрашивай, как умудрился. Прощу! Я ж отвечу сейчас, а тебе с того лишь горе будет.

— Не тебе меня, старую, горем пугать, — проворчала нянька. — Но так уж и быть, не стану выпрашивать для твоего же успокоенья. Ты смотри, побледнел, будто умертвие. Я ж тебя с младенчества растила, нашел кого бояться. На вот, попей лучше. Травки заговоренные, всю хворь из тебя выпустят.

Она поднесла чашу. В руки не дала — видать, подозревала, что не удержит. В губы уперся твердый обод чаши, и Влад не стал противиться. Зелье оказалось